

Мое имя Спенсер. Маркус Спенсер.

Мне семнадцать лет, и еще сегодня утром я был учеником старшей школы.

Ровно до тех пор, пока мы вместе со всем классом не были перемещены какой-то колдуньей с алыми глазами в совершенно иной мир.

Именно поэтому я сейчас стою посреди арены эдакого древнеримского Колизея, и именно поэтому прямо на нас несется самый настоящий огромный носорог...

Вокруг все орут. Зрители орут от неопишуемого восторга (я бы тоже позырил, как какую-то школоту насаживает себе на рог всеобщий любимец), а мои одноклассники орут от ужаса. Я не ору – это контрпродуктивно. Криками вряд ли можно спугнуть носорога. А судя по тому, как тот несется прямо на нас, крики его даже привлекают.

Секунды полторы я пялюсь на Кармен (вообще, это ее второе имя, а так она Мария Кармен Перейра Карденас – самая сексапильная испаночка нашей школы, взявшая даже в этом году титул «Мисс Школа», если кто забыл). Ее обычная красота, сексапильность и женственность слегка стираются на фоне трясущегося от страха тела и изуродованного гримасой ужаса лица.

И лишь теперь я осознаю – носорог несется не на нас, а на автобус – именно его он воспринимает как своего самого главного врага. Большого, а значит, равного ему по силе.

- Ну давай, говнюк! – слышу я голос Эла. Он оказался единственным, кто не вылез из автобуса. А теперь он и вовсе заводит двигатель и вдавливая в пол педаль газа. Словно в ступоре, я наблюдаю, с каким целеустремленным взглядом Эл ведет свой автобус прямо на носорога.

- Эл, прыгай! – ору я, но он меня уже не слышит. Я бегу за ним. Не знаю, зачем, но бегу. Я ничего не могу сделать, но что-то внутри меня, вообразив себя неким героем из аниме или фильма, хочет спасти этого обдолбанного укурка. – Ээээээл!

Все, что я слышу, это отголосок его звонкого громкого смеха, смешанного с чем-то вроде боевого клича.

Дыхание сбивается, и я сбавляю темп.

И тут это происходит – громкий звук мнущегося металла и лопающихся окон.

Секунда – и автобус, только что удаляющийся от меня, начинает приближаться.

Некоторое время я пытаюсь понять, что происходит. И лишь чудо заставляет меня прыгнуть в сторону, кубарем покотившись по желтому песку. Уже лежа на брюхе я вижу, как зверь, пронзив переднюю часть помявшегося автобуса рогом и вспахивая лапами на песке настоящие траншеи, толкает того назад. Я почти вижу то, что случится в следующий момент – как носорог впечатывает автобус в стену Колизея, и тот превращается в хренову лепешку.

Я пытаюсь разглядеть, что там с Элом, но передние стекла, покрывшиеся паутиной трещин, не позволяют это сделать.

- Господи, Эл, - жалобно шепчу я. Замечаю, как три ублюдка, Крис, Моррис и Джон, снимают происходящее на камеры своих телефонов. – Ах вы суки!

Мой крик растворяется в вопле тысячи других голосов, слившихся в единый белый шум.

Весь класс разбегается в стороны, чтобы не оказаться на пути автобуса. Буквально через мгновение взбешенный зверь с жутким скрежетом вминает и без того покореженную машину в стену Коллизея, окончательно превращая ее в груды дымящегося металлолома.

Публика в восторге. Но меня всего трясет. Я все еще сижу жопой на земле, не в силах что-либо поделаться. Сейчас, когда носорог разобрался с автобусом, он возьмется за нас. Сколько мы сможем от него бегать? Есть ли вероятность, что он устанет и грохнется на землю, чтобы отдышаться? Можно ли подружиться с этим зверем, или он обучен лишь убивать?

Вот я вижу, как носорог медленно отступает назад, и его рог покидает недра пронзенного им автобуса. Зверь словно опьянен своей победой. Он стоит и наслаждается. Я по-прежнему не вижу Эла.

Может ли он выжить? Какова вероятность, что его лишь контузило или хотя бы придавило, но внутри этой лепешки он жив и здоров?

Носорог поворачивается.

Осматривает моих одноклассников.

И берет разгон.

Публика неистовствует.

Крис, Моррис и Джон, только что снимавшие поединок автобуса с этим монстром, осознают, что тот несется прямо на них, и пытаются уйти в сторону. Они разбегаются кто куда. Крис – направо, Моррис – налево, и лишь идиот Джон бежит вперед, явно недооценивая скорость зверя. Пару раз он оборачивается, чтобы узнать, за кем из них троих бежит носорог, и выжимает из себя всю возможную скорость, когда понимает, что выбран целью именно он.

- Джонни! – орет Бруно, накачанный красавчик, капитан школьной команды по баскетболу. На его лице без каких бы то ни было сложностей читается первобытный страх беспомощного человека перед всеокрушающей силой природы.

- Виляй! Виляй! – кричит Джимми, чернокожий отличник, являющийся по совместительству моим лучшим... нет – единственным другом.

Но Джон не слышит. Он лишь орет, постепенно теряя скорость. Я вижу, как слезы блестят на его щеках...

И тут его проблемы заканчиваются. Он даже не сразу осознает, что поднимается в воздух. Эбигейл истошно вопит – голос красотищи с дойками я узнаю из миллиона других. Носорог гордо демонстрирует публике свой трофей, насаженный на его рог. Я даже вижу, как по этому самому рогу медленно стекает красная жидкость. Раскинув свои руки и ноги в разные стороны, Джон больше не чувствует страха – теперь он ощущает покой...

Эбигейл не унимается.

Ее весьма мощные голосовые связки перекрикивают абсолютно все голоса во всем Колизее. И

носорог, кажется, тоже ее услышал. Он сбрасывает Джона со своего рога, и тот приземляется на бок. Он далеко, но я все равно вижу его взгляд – пустой и безжизненный, будто обвиняющий. Обвиняющий меня.

Казалось, что ее весьма мощные голосовые связки перекрикивают абсолютно все голоса во всем Колизее. И носорог ее прекрасно слышит.

Мотнув массивной головой, он сбрасывает Джона со своего рога. Тело моего одноклассника, пролетев несколько метров, падает на бок. Он далеко, но я все равно все прекрасно вижу.

Вижу быстро краснеющий от крови песок.

Вижу белеющие в ужасной ране кости.

Вижу вываливающиеся наружу внутренности.

А еще вижу его взгляд. Пустой и безжизненный. Будто обвиняющий.

Обвиняющий меня.

«Почему ты ничего не сделал?» - будто бы слышу я его голос.

«Выпусти меня», - раздается уже другой.

- Что...? – шепчу я, замечая на земле странные мельтешения.

И вижу, как мне машет руками, прыгая и паникуя, моя Тень.

«Выпусти меня, быстро!»

Я вижу, как носорог несется в сторону Эбби. Вижу, как разбегаются в разные стороны прочие одноклассники. Вижу, как к Эбби бежит Бруно, чтобы то ли оттащить, то ли заткнуть.

«Выпусти!!!»

- Да как?! – ору я так громко, как только могу.

«Дай руку».

Это, вашу мать, самое странное, что случилось со мной за всю мою недолгую, несовершеннолетнюю жизнь. Моя Тень натурально разговаривает со мной. Я слышу Ее голос. И хотя я всегда думал, что моя Тень – мужского пола, голос... он принадлежит точно не мужчине.

Но сейчас на это нет времени. Я протягиваю руку, и тут из земли, там, где только что была моя двухмерная тень, материализуется вполне себе трехмерная конечность. Она хватает меня и тянет.

«Тащи!» - слышу я голос.

Хватаюсь кисть Тени уже обеими руками и тяну на себя, упираясь в землю. Постепенно... «что-то» показывается из земли все больше и больше. Но, Боже, как же тяжело ее оттуда вытащить!

А тем временем носорог уже почти достиг Эбби.

«Давай! Коготь!!!»

И я кричу.

Кричу, собрав в себе все силы. Кричу, таща на себя эту чертову черную руку!

И что-то там, под землей, словно рвется...

Я резко вытягиваю то, что все это время таилось под моими ногами. И эта моя черная копия словно прыгает на меня, обволакивает, покрывает мои ноги и руки.

Я чувствую...

...себя иначе.

Между Эбби, которую пытается спасти Бруно, и острым концом рога остается какой-то жалкий метр. Бруно орет, но не перестает тащить Эбби в сторону. Оказывается, он не так плох, как мне казалось...

Мгновение – и Бруно с Эбби у меня в руках. Не понимаю, как, но мне удалось преодолеть расстояние в метров тридцать как минимум за долю секунды и убрать обоих с линии удара. Обалдевший носорог замедляет скорость, разворачивается, и смотрит на меня красными от злости глазами.

Я чувствую, как у меня удлиняются пальцы, и я становлюсь эдакой копией Фредди Крюгера.

«Коготь, нет! Не так много!»

Но я уже ничего не ощущаю. Во мне нет ничего, кроме ярости. Ярости и безудержной злости. А еще жажды. Жажды крови. Крови этого хренова носорога.

Зверь несется на меня, а я – на него. Рывок – я прямо перед ним. Ухожу чуть вбок иставляю в сторону руку. Ощущаю, как мои когти вспарывают толстую, неестественно прочную кожу. Едва он успевает развернуться, как я уже прыгаю жертве на голову.

Добыча пытается увидеть меня.

Хорошо. Сделаю так, что больше зверь никогда ничего не видит!

Мои когтистые кисти погружаются в его огромные глазные яблоки. Сладкая кровь вперемешку с нежным белым соком хлынули меж пальцев.

Я слышу его рев.

«Коготь, остановись!!!»

Я кричу. Работаю руками, нанося удары. Один за другим, один за другим.

- Он мертв, чувачок, - слышу голос... голос... Эла?!

Рассудок проясняется.

Словно кто-то щелкнул рубильником.

Оборачиваюсь. Передо мной стоит хренов хиппи и довольно затягивается. Я смотрю на то, куда только что бил. Кровавое месиво, оставшееся после носорога, напоминало теперь фарш. Публика давно уже не кричит и не хлопает. Император смотрит на меня с такими же удивленными глазами, как и колдунья. А мой класс... и вовсе как на монстра.

- Я... победил? - собственный голос кажется каким-то чужим, хриплым и рычащим.

- Да, - Эл затягивается. - И растратил всю силу, что копил все восемнадцать лет. Теперь тебе будет плохо.

Я чувствую, что ноги становятся ватными.

Слышу, как вопит публика.

- Наши новые гладиаторы! - орет Эл. - Коготь и его команда!

Восторг. Аплодисменты. В ладоши хлопает даже император.

Эл задумчиво смотрит на меня. Затягивается. На нем ни царапины...

- Что-то ты побледнел, - говорит он, и вдруг трибуны Колизея, только что находившиеся в горизонтальном положении, приобретают вертикальное. А еще мне кажется, что я ударился своим виском о землю. - Точно, бро, ты даже свою энергию всрать умудрился. Надеюсь, не помрешь.

Все начинает медленно темнеть.

- А то мне, наконец, становится интересно... - это последние слова Эла, которые я слышу.

Первое, что я вижу, когда открываю глаза - это большие сиськи Эбигейл. Нет, не обнаженные - вполне прикрытые одеждой... вот только одежда эта... вовсе не та, к которой я привык. Какие-то тряпки и кожа...

Я даже думаю, что мне все это снится.

- Ты все-таки проснулся! - на глазах Эбби слезы.

Мне вдруг кажется, что я в Раю.

- Спасибо, что спас меня!

- Спас? - слышу я свой хрип.

- Три дня назад. Ты... словно... одичал. И спас нас от того носорога. Помнишь?

Я хмурюсь.

- Так это было правдой?

И лишь теперь я осматриваюсь. Какие-то казармы. В комнате четыре двуспальные кровати, то есть на восемь мест. Деревянные. А стены...

- Где мы?

- Типа в доме, - она пожимает плечами. - Здесь живут гладиаторы.

- Гладиаторы? - я замечаю, что тупо повторяю ее слова.

- Мы теперь как бы... в рабстве что ли. Какой-то мужик объяснил, что мы должны биться, раз уж переросли из разряда мяса в истинных гладиаторов. За каждый выигранный бой мы будем получать деньги. Деньги можем тратить по своему разумению и вообще будем делать все, что хотим, вот только нельзя покидать гладиаторский квартал.

«Загрузка», - вижу я синее слово на ее лбу, появившееся откуда ни возьмись.

- Че за нахер? - спрашиваю я.

Эбби удивленно смотрит на меня.

- Что такое?

«Вы победили врага», - появляется на ее лбу, а затем чуть ниже, прямо на ее ключицах: «Как желаете распорядиться с опытом?»

Смотрю ниже и вижу синее свечение. Но свечение это... оно как полоска света за закрытой дверью. И дверью являются ее одежда - нечто написано на ее буферах, и надписи эти должны быть прочтены...

- Маркус?

- Эбби... - я чувствую, как меня прошибает пот. - Мне нужно, чтобы сделала кое-что. Только не злись. Мне это срочно нужно.

Она хмурится.

- Я должен увидеть твои сиськи.

- Э...

Я смотрю ей в глаза.

- Не полностью, - но... открой, насколько возможно. От этого, походу, зависит очень... многое.

- Да, я понимаю, - говорит она, глядя на оттопыренное одеяло в одном... палевном месте. Я понимаю, что лежу под одеялом совсем голый.

- Кто... кто раздевал меня?!

Эбби краснеет.

- Да, согласна. Это будет честно. Я видела голым тебя, и теперь ты имеешь право...

И она медленно поднимает руки к своей груди.

Оттягивает одежду.

Меня трясет.

Столбик под одеялом увеличивается еще больше.

Я вижу письма. Они светятся прямо на ее белоснежных грудях, больших и тяжелых. Я едва сдерживаюсь, чтобы не схватиться за своего змея.

Она прикрывает соски, но мне они и не нужны. Я вижу письма полностью.

На правой груди: «Оставить опыт себе». На левой: «Разделить с командой»

- А как выбирать то?

- Что выбирать? – спрашивает Эбби, и до меня вдруг доходит.

- Блин, Эбби... - я смотрю ей в глаза. Мои губы дрожат. – Мне нужно, чтобы ты все-таки убрала руки.

Ее взгляд весьма красноречив.

- Я должен дернуть тебя за сосок.

<http://tl.rulate.ru/book/7610/140455>